

И. Г. ДОБРОДОМОВ (Москва)

ОБ ОДНОЙ ХАНТЫЙСКО-ЭВЕНКИЙСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИИ

Известный финский тюрколог М. Рясänen обратил внимание на любопытную параллель в зоологической номенклатуре хантыйского и эвенкийского языков: «... тунгусам известно также название животного *deŋke* 'соболь', которое, несомненно, связано с хантыйским названием белки [хант. *t̃äŋke* наряду с 'белка' имеет значение 'копейка' — И. Д.]. Известно, что указанное слово встречается как заимствованное в монгольском (*tēŋke*) и в тюркском (*t̃äŋkä*) языках, а также в русском в период монгольских завоеваний в качестве названия денежной единицы — 'деньга'. Взаимные пути заимствований здесь несколько неясны» (Рясänen 1955 : 25, сноска). Однако в другом месте той же книги автор устанавливает и схематически обозначает пути заимствования: «др.-тюрк. **t̃äjin* 'белка'; алт., тел., шор., лебед. кюэр., якут. *t̃in*, уйг. *t̃äjin*; тел., тат. *t̃ijän*; уйг., кум., чаг., тур., казах., тоб., саг., койб., кач. *t̃in* < манс. *lein*, *l̃ēŋŋ*, хант. *t̃äŋc̃* 'белка' и т. п. (> тунг. *deŋke* 'соболь' >> рус. *деньга*)» (Рясänen 1955 : 173; ср. Räsänen 1949 : 22—23, 200; подробнее см. Räsänen 1950 : 127—129). Впоследствии, несколько в иной связи, он раскрыл схематически пути движения слова из тунгусского источника в русский язык, оставив в стороне, впрочем, обско-угорские данные: рус. *деньга*, совр. 'Geld = деньги' < тюрк. *t̃äŋgä* 'рубль' < монг. *teŋge* 'деньги' < тунг. *deŋge* 'соболь'. (Räsänen 1955 : 294). Первоисточником всех этих форм и тюркских названий белок он считал обско-угорские языки и в своем последнем большом труде «Опыт этимологического словаря тюркских языков» (Räsänen 1969 : 470a, 474a).

Эти соображения М. Рясänen подверглись резкой критике со стороны Г. Дёрфера (Doerfer 1965), отделившего все приводимые здесь слова от тюркского названия белки типа *тейин* ~ *тейиц*, которые никак, по его справедливому мнению, не могли дать на тюркской почве форм типа *тецге* ~ *тецке* ни фонетически, ни словообразовательно, к тому же последние слова нигде не обнаруживают на тюркской почве значения 'белка' и не встречаются в старинных тюркских текстах домонгольского времени. Он убедительно отрицает возможность обско-угорского происхождения для тюркского слова (поскольку *t* - > *t*- на хантыйской почве следует считать сравнительно новым явлением), а также возможность тюркского происхождения рус. *деньга* из-за того, что изменение тюркского начального согласного *t* - > *d*- в таком случае не поддается объяснению. Он учитывает и более раннюю, чем на монгольской, фиксацию слова на тюркской почве, что исключает возмож-

ность монгольского происхождения тюркского слова, а также невозможность субституции эвенк. *d-* > монг. *t-*, поскольку начальный звонкий зубной согласный *d-* известен монгольскому языку и весьма в нем обычен. По аналогичным причинам (наличие эвенк. *d-* при хант. *t-*) едва ли удастся убедительно объяснить хантыйское заимствование в эвенкийском языке. Г. Дёрфер решительно отрицает также возможность хантыйского происхождения эвенк. *денке*, но допускает обратное направление заимствования или исконный (*altererbt*) характер хантыйской лексемы.

Если критические замечания Г. Дёрфера выглядят обоснованно и вполне убедительно, то его собственные предположения о возможном эвенкийском происхождении хантыйского слова или о его исконном характере не выдерживают критики по следующим основаниям.

В случае предположения об эвенкийском происхождении хантыйского слова¹ исследователь сталкивается с непреодолимой трудностью семантического плана: невозможно объяснить, почему название хищного соболя было перенесено на грызуна белку. Такие семантические сдвиги едва ли возможны у народов, занимающихся охотой как основным способом производительной деятельности. Это, во-первых.

Во-вторых, выход в недавнее время «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (т. 1—2, Ленинград 1975—1977) позволяет установить, что общим тунгусо-маньчжурским старинным названием соболя является слово *сэрэн* (т. 2, с. 137), представленное во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме оро́чского (ср. эвенк. диал. *сэзэб*, *сэзэв*, *сэзэн*). Что касается другого названия для соболя *дэңкэ* — *дыңкэ* (орф. *дэңке*, *дыңке*), то оно известно лишь многим говорам эвенкийского языка и за его пределами не встречается, в связи с чем может рассматриваться как одна из эвенкийских инноваций, распространившаяся в условиях табуистического запрета на старое название промыслового зверя, что весьма обычно у охотничьих народов (Зеленин 1929 : 89—92). В качестве замены для табуированного названия *сэрэн* выступало весьма подходящее семантически рус. *деньги*, получившее преобразование в духе эвенкийской фонетики и вошедшее в новом значении в широкий обиход, дифференцировавшись с названием *деньгил*, *денгил*, тоже вошедшим из русского языка в несколько иной форме и в прямом значении. Следует заметить, что общее название денег может переходить (и без влияния табуистического фактора) на конкретный предмет, если он выступает в определенных условиях в качестве платежного средства, как это, например, имело место с тюркским названием монеты и денег *йармак*, ставшим одним из обозначений шелка в обско-угорских языках (Добродомов 1978 : 46—48).

Хантыйское название белки (и копейки) *länki* (а также диал. *vänki*, *länki*, *tänkä*, *lan̄ki*, *lan̄ki*, *län̄ki*) оставалось неясным для В. Штейнитца, который ограничился лишь отрицанием гипотезы о татарском происхождении слова, но не дал этимологии (DEWOS 7 780—781), хотя оно вполне удачно было проэтимологизировано уже в конце XIX в. Н. И. Андерсоном, предложившим для хантыйского и мансийского названия белки и копейки (хант. сургут. *tenki*, иртыш. *taña*, сев. *lan̄gi*, по Хунфальви *lenki*, *langa*, манс. *lèn*, *lejn*, *lin*) тюркскую этимологию. Однако впоследствии он склонился в пользу русского происхождения этих слов: «... едва ли можно сомневаться в тюркском происхождении этого слова. Только встает вопрос о возрасте заимствования: 1) не относится ли оно к хантыйско-мансийской эпохе или 2) не заимство-

¹ Такую возможность, однако, даже не обсуждает в своих исследованиях И. Футаки, см. Futaky 1969; 1975.

вали ли его оба языка независимо друг от друга в разное время из разных тюркских диалектов. В первом случае хантыйско-мансийская форма звучала бы *leŋge* на месте более старой *deŋge*, откуда, с одной стороны, *lejn* (вероятно, из *lenj*), *lĕn*, *lin*, а с другой — *leŋgi*, *laŋgi*, *laŋga*, *taŋa*. В турецком языке и у минусинских татар (хакасов — И. Д.) белка именуется *tin*, в уйгурском — *ting* или (по Ю. Клапроту) *teing*, в якутском *tin*».

То, что хантыйско-мансийское название для весьма обычного зверька является заимствованием, могло бы показаться удивительным, но это легко объяснимо, если учесть, что «раньше мех белки употреблялся как всеобщее средство обмена или ходячая мелкая монета на европейском и азиатском Севере, а на последнем употребительно и сейчас (по А. Аляквисту).

Если брать в целом, то, вероятно, с нашими словами идентично и рус. *деньга* (мн. ч. *деньги*), которое также происходит из татарского (ср. *deng*, *teng*, *tenge* 'равновес, деньги, монета' (по Х. Вамбери), чув. *teŋge* 'монета', монг. *teŋge*). Ведь предки хантыйцев и мансийцев созвучные заимствованные слова и почти с тем же значением подвергали контаминациям. Во всяком случае, угорские слова совпадают в звуковом отношении точнее с татарским (и соответственно, с русским) названием *деньги*, чем с названиями для белок, и поэтому начальный *l* должен в этом случае отражать звонкий зубной согласный» (Anderson 1893 : 56—57). В другом месте этой же книги (с. 143) Н. И. Андерсон уже более определенно указывает на связь хант. *laŋga* и *tenki* с рус. *деньга* (*деньги*) и высказывает вполне справедливое предположение о том, что на мансийской почве *lejn*, *lin* испытало контаминацию (народно-этимологическое сближение) со словом *lĕj*, *li* 'хвост', как греч. *σχιονρος* и *οὐρά*. Следовательно, хантыйско- (и мансийско-) эвенкийский параллелизм в названии белки (хант. *tāŋka*, манс. *lein*) и соболя (эвенк. *дэнкĕ*) объясняется общим источником этих слов — русским существительным *деньги* (ед. ч. *деньга*), которое проникло в эти языки сибирских охотничьих народов как эвфемистическая замена для табуированного названия промысловых пушных зверей. Последние оказались различными в разных регионах, что и отражено неодинаково в языках разных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Добродомов И. Г. 1978, К этимологии обско-угорского названия шелка. — СФУ XIV, 46—48.
- Зеленин Д. К. 1929, Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии I. Запреты на охоте и иных промыслах, Москва—Ленинград (Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII).
- Рясянен М. 1955, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва.
- Anderson, N. 1893, Wandlungen der anlautenden dentalen spirans im Ostjakischen. Ein Beitrag zur ugrofinnischen Lautlehre, St.-Petersbourg (Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, VIIe série, tome XL, 2).
- Doerfer, G. 1965, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen... Band II. Türkische Elemente im Neupersischen, *alif* bis *tā*, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Band XIX).
- Futaky, I. 1969, Tungusische Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXVII, 363—379.
- 1975, Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen, Wiesbaden.
- Räsänen, M. 1949, Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Helsinki (Studia Orientalia 15).
- 1950, Beiträge zu den altaisch-slavischen Berührungen. — Commentationes Fen-

- no-Ugricae in honorem Y. H. Toivonen sexagenarii die XIX mensis Ianuarii anno MCML, Helsinki (MSFOu XCVIII), 125—131.
- 1955, Über einige Benennungen des russ. Wortes *rublj* 'Rubel'. — Central Asiatic Journal, Vol. 1, The Hague—Wiesbaden.
- 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen, Helsinki (LSFU XVII).

I. G. DOBRODOMOV (Moskau)

ZUR HERKUNFT EINER CHANTISCH-TUNGUSISCHEN PARALLELE

Der Verfasser ist der Ansicht, daß man tung. *deŋke* 'Zobel' und chant. *täŋke* 'Eichhörnchen' nicht auf turk. *tijin* 'Eichhörnchen' zurückführen kann, sondern daß diese von russ. *деньги* 'Geld' abstammen. Dazu gehört auch mans. *lejn, lin* 'Eichhörnchen', das mit dem einheimischen mans. *lēj, li* 'Schwanz' kontaminiert wurde. Hierbei handelt es sich um ein Ergebnis der Tabuerscheinung bei den Jägervölkern Sibiriens.

Schon am Ende des 19. Jahrhunderts äußerte N. Anderson, der sich aber mit dem tung. *deŋke* nicht beschäftigt hatte, eine ähnliche Meinung.